

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Красев

Епископ Порфирий Успенский:
краткий очерк его жизни и первые страницы
«Книги бытия его»

Опубликовано:
Христианское чтение. 1910. № 9. С. 1174-1180.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Епископъ Порфирій Успенскій.

Краткій очеркъ его жизни и первыя страницы „Книги бытія“ его *).

ИАКІЯ выдающіяся заслуги епископа Порфирія по изученію имъ церковной жизни востока вообще и въ частности всего относящагося къ древней церковной археологіи обязываютъ и насъ посвятить этому ученому изслѣдователю нѣсколько страницъ нашего изданія, и по поводу исполнившагося 19 апрѣля этого года 25-лѣтія со дня его кончины хоть нѣсколько оживить память о немъ, какъ о дѣятелѣ съ огромными заслугами для церкви, для нашей русской церковной науки, такъ небогатой еще широкими научными изысканіями, и для всего русскаго общества.

Но, конечно, этотъ неособенно большой и во всѣхъ отношеніяхъ очень скромный трудъ, посвящаемый нами свѣтлой памяти нашего неутомимаго изслѣдователя, не будетъ содержать въ себѣ полной оцѣнки научныхъ заслугъ епископа Порфирія и не обниметъ даже и части того богатаго матеріала, къ которому успѣлъ подойти, какъ къ предмету своего изученія, и значительную часть котораго успѣлъ даже и освѣтить этотъ неутомимый работникъ. Выполненію такого сложнаго и труднаго дѣла будутъ посвящены, несомнѣнно, труды болѣе компетентныхъ въ этой области лицъ, могущихъ со всею точностію взвѣсить и оцѣнить ту массу знанія, энергій и труда, какая вложена была епископомъ Порфиріемъ въ выполненное имъ дѣло. Здѣсь мы ограничимъ себя лишь самой скромной задачей. Мы постараемся остановиться на томъ только болѣе однородномъ матеріалѣ, какой содержится въ „Книгѣ бытія“ его. Но высокимъ содержаніемъ уже и этой одной книги необыкновенно ярко обрисовывается какъ самая личность епископа Порфирія, такъ и тотъ чрезвычайно ши-

*) Продолженіе. См. май—іюнь.

рокій почти необъятный міръ, который въ долгіе годы его жизни и дѣятельности былъ живымъ предметомъ его наблюденія, его постоянныхъ думъ, его иногда горькихъ за будущее тревогъ и опасеній. На страницахъ этой прекрасной „Книги его бытія“ мы прежде всего увидимъ то, какъ онъ чувствовалъ, любилъ и понималъ природу, которая, повидимому, прежде и глубже всего его къ себѣ привлекала; увидимъ, какъ среди этой природы, вліяніе которой порождало въ немъ самыя нѣжныя чувства и настроенности, онъ прекрасно понималъ и горячо чувствовалъ, какъ живо касался и глубоко интересовалъ его каждый новый предметъ его наблюденія, хотя бы и неотносившійся непосредственно къ его специальной миссіи, къ его дѣлу. На страницахъ этой прекрасной книги мы увидимъ также и то, какую утонченность чувства и настроенія вносилъ онъ въ пониманіе людей, съ которыми ему приходилось сталкиваться, и какъ прекрасно онъ умѣлъ направлять ихъ въ интересахъ дѣла церкви и своего собственнаго изслѣдованія, если представлялось это необходимымъ; увидимъ, какъ онъ умѣлъ то сдерживать себя, гдѣ это было нужно, то давать волю своему чувству и негодованію; и какъ, наконецъ, во всѣхъ почти наблюденіяхъ своихъ надъ жизнью природы и надъ дѣлами рукъ человѣческихъ онъ всегда почти проникался высокимъ чувствомъ истинно религіознаго настроенія, неизмѣнно открывавшимъ ему во всемъ и всегда премудрость и благодать Божію.

Очень много мѣткихъ и живыхъ наблюденій сдѣлано было архимандритомъ Порфириемъ уже при первой его поѣздкѣ за границу въ 1841 году, на постъ настоятеля Вѣнской по-сольской церкви, съ чего собственно и начинается его знаменитый дневникъ, составляющій цѣлыхъ восемь томовъ. Уже на 7 и 8 страницахъ этой книги своего бытія онъ даетъ живую и очень яркую картину того положенія, въ какомъ находилось въ 1841 году, а отчасти, можетъ быть, и теперь еще находится крестьянское населеніе Виленской, Гродненской и Волынской губерній, съ которымъ ему пришлось нѣсколько ознакомиться на пути къ мѣсту своего назначенія. Первые впечатлѣнія отъ чего бы то ни было всегда и для всѣхъ бываютъ обыкновенно очень живы, глубоки, неизгладимо сильны. Но на этотъ разъ, къ сожалѣнію, воспринятые нашимъ ученымъ изслѣдователемъ еще на нашей родной землѣ, они были и очень неблагопріятны. Вотъ что пишетъ

онъ въ своемъ дневникѣ о нашихъ Виленской, Гродненской и Волынской губерніяхъ, населеніе которыхъ, очевидно, въ первый еще разъ сдѣлалось живымъ предметомъ его наблюденія. „Почва здѣсь частію глинистая, частію песчаная; лѣса хвойные и лиственные хороши; лужь, болотъ, ручейковъ, потоковъ, рѣкъ, озеръ весьма много; города малы и неопрытны, потому что населены евреями; деревни на холмахъ и поляхъ состоятъ изъ пяти, четырехъ и даже двухъ дворовъ; избы въ нихъ низки и убоги, а окна въ избахъ такъ малы, что едва кошачья голова можетъ проглянуть сквозь нихъ. Народъ находится въ жалкомъ состояніи. Мужчины, женщины, ребятишки — всѣ тощи, нечесаны, неумыты и въ лохмотьяхъ. Вѣковое, самое тяжелое рабство унизило и пригнуло къ землѣ этотъ бѣдный народъ. Я видѣлъ, какъ на одномъ барскомъ полѣ работали женщины и дѣвочки, а подлѣ нихъ стоялъ управитель или холопъ, съ длинною плетью. Въ великороссійскихъ областяхъ крестьяне работаютъ весело, припѣваячи, а здѣсь уныло, лѣниво, молча. Жидаы суть бичи этого края. Торговля, деньги, водка, хлѣбъ, домашній скотъ поселянь—все въ ихъ рукахъ. А что всего хуже, они господствуютъ надъ христіанами. Мужики стоятъ предъ ними безъ шапокъ, ожидая ихъ приказаній, и говорятъ имъ не иначе, какъ вы. Право свободнаго винокуренія доводитъ семейства до нравственнаго самоубійства. Поселяне закладываютъ жидамъ свой хлѣбъ, еще не созрѣвшій на нивахъ. Храмы Божіи, деревянные, ветхіе, почернѣвшіе, обросли мохомъ. За то какъ хороши корчмы и какъ близко стоятъ онѣ подлѣ святилищъ Господнихъ! Горько и больно было видѣть служенія и Богу, и Вахусу на одной небольшой полосѣ земли. Эти проклятыя подбѣленные корчмы торчатъ въ деревняхъ, въ мѣстечкахъ, въ лѣсахъ, какъ мертвящія привидѣнія. Вотъ жалкая картина! Но она списана съ природы. Какія причины этой бѣдности и полудикости? Лѣность ли крестьянь, склонность ли ихъ къ пьянству, притѣсненія ли управителей, мотовство помѣщиковъ, слабое ли вліяніе вѣроисповѣданія и духовенства, или все это вмѣстѣ? Пусть другіе судятъ объ этомъ, какъ хотятъ или какъ умѣютъ, а по моему мнѣнію жалкое состояніе народа есть слѣдствіе его духовной темноты, убійственнаго рабства и ложныхъ началъ государственнаго управленія“.

Еврейское населеніе западныхъ губерній, очевидно, обра-

тило на себя особенное вниманіе нашего ученаго изслѣдователя. По этому, чрезъ нѣсколько дней своего пути въ Вѣну, онъ уже снова возвращается къ этой же группѣ населенія при описаніи Бродовъ, перваго австрійскаго маленькаго городка, лежащаго въ 7—8 верстахъ отъ нашей русско-австрійской границы. Указавъ здѣсь на ту шумную и живую толпу, которую онъ наблюдалъ съ окна своей гостинницы, „на торчавшихъ на улицѣ жидовъ, жидовокъ, служанокъ, солдатъ, сходящихся, расходящихся, говорившихъ, молчавшихъ; на цѣлыя группы нищихъ, толпившихся у его комнаты, лѣзшихъ въ двери, карабкавшихся въ окна; на осаждавшихъ его со всѣхъ сторонъ евреевъ, навязывавшихся ему съ своими товарами, онъ, подъ неудержимымъ вліяніемъ этихъ новыхъ впечатлѣній, какъ бы невольно высказываетъ и свой общій взглядъ на это совершенно исключительное племя, въ которомъ и очень большія національныя достоинства и столько же значительные недостатки какъ-то причудливо смѣшиваются между собой, взаимно сглаживаются, переплетаются и образуютъ въ ихъ общемъ типѣ какую-то особенную исключительно національную ткань, совершенно обособляющую и уединяющую ихъ отъ всѣхъ другихъ племенъ и націй. „Не люблю я евреевъ, говоритъ онъ, или, точнѣе сказать, всякій разъ, какъ увижу ихъ, чувствую въ себѣ столкновеніе противоположныхъ помысловъ и ощущеній: то презираю этихъ всесвѣтныхъ торгашей за ихъ корысть, обманы, нахальство, вѣроломство; то смотрю на нихъ окомъ Филона, какъ на народъ, посредствомъ котораго въ человѣческомъ родѣ распространилось познаніе единаго истиннаго Бога. Ихъ изумительное терпѣніе, примѣрное единоклюшіе, упорное вѣрованіе въ величественный призракъ, неослабная привязанность къ отеческимъ преданіямъ, вѣковая, почти одинаковая численность, неизмѣнившееся племенное обличіе, наконецъ, таинственная судьба, развязка которой послѣдуетъ предъ концомъ міра, невольно внушаютъ благоговѣйное вниманіе къ этимъ живымъ развалинамъ, кои берегутся провидѣніемъ для докончанія величественнаго зданія церкви вселенской. А неопрятность, трусость, низость, металлическій умъ, продажная услужливость, грязное сердце евреевъ поселяютъ не столько отвращеніе, сколько сожалѣніе къ нимъ. Они, какъ непріятныя кометы, блуждаютъ по всей землѣ. Но придетъ время, когда переиспытанныя ими страданія и несбывшіяся надежды обратятъ и привлекутъ ихъ къ истинѣ“.

На дальнѣйшемъ пути къ мѣсту своего новаго назначенія архимандритъ Порфирій переживаетъ рядъ чисто художественныхъ настроеній и чувствъ на переѣздѣ отъ Подгорце до Злочова, въ мѣстности, дѣйствительно, способной производить очень сильное впечатлѣніе на людей, умѣющихъ понимать и любить природу. Притомъ же здѣсь, очевидно, онъ получилъ первое и, можетъ быть, нѣсколько обидное для себя впечатлѣніе отъ рѣзкаго контраста между тѣмъ, что онъ такъ долго видѣлъ у себя на родинѣ и что совершенно неожиданно увидалъ теперь въ чужой странѣ, за рубежемъ своего отечества. „Отъ Подгорце до Злочова, говорить онъ, дорога пролегаетъ по красивой долинѣ. По обѣимъ сторонамъ ея высятся холмы, покрытые лиственнымъ, густымъ и чистымъ лѣсомъ. По оптическому закону уменьшенія и вліянія отдѣльныхъ предметовъ, вершины деревьевъ представлялись мнѣ то кудрями, то кружевными узорами. Порой казалось, будто деревья сходятъ съ холмовъ, какъ стада курчавыхъ овецъ. Это не лѣса, а сады. Въ нихъ такая чистота, такая зеленая мурава, такая пріятная свѣтотѣнь, что такъ и хотѣлось погулять и отдохнуть тамъ. Горные ручейки извиваются по всей долинѣ и быстро катятъ свои свѣтлыя струи. Въ разныхъ мѣстахъ они приводятъ въ движеніе небольшихъ мельницы. На покатосяхъ холмовъ растетъ хлѣбъ и разбросаны сельскія хижинны, да, хижинны. Отчего же русинъ бѣденъ и печаленъ въ нарядной и смѣющейся долинѣ? Онъ—рабъ нѣмца“.

За этой прекрасной долиной недалеко уже было и до Лемберга или, попрежнему, до Львова, главнаго города нашей старой Славянской Галиціи, перешедшей въ австрійское владѣніе по первому раздѣлу Польши. Въ этомъ столюиомъ городѣ прежняго Галицкаго княжества, съ населеніемъ по преимуществу, славянскимъ, архимандритъ Порфирій провель нѣсколько дней, побуждаемый живымъ желаніемъ поближе всмотрѣться въ положеніе славянскаго населенія въ иноземной странѣ, войти въ непосредственное сношеніе съ нѣкоторыми изъ его членовъ, ознакомиться съ положеніемъ униатовъ въ этой и чужой, и родной намъ Славянской Землѣ, помолиться за богослуженіемъ на своемъ родномъ языкѣ въ православномъ храмѣ и въ униатскомъ святилищѣ, и хотъ нѣсколько познакомиться съ тѣмъ учебнымъ учрежденіемъ, которое подготавливаетъ и даетъ пастырей какъ для униат-

скихъ приходовъ, такъ и для чисто католическихъ. Очень заинтересовалъ, повидимому, архимандрита Порфирія и самый славянскій городъ Львовъ, теперь Лембергъ. Крайне многоязычный составъ его очень пестраго и смѣшаннаго населенія напоминалъ архимандриту Порфирію старый библейскій Вавилонъ, его башню до небесъ и послѣдующее затѣмъ смѣшеніе языковъ. Впечатлѣнія текущихъ дней незамѣтно переносили его въ недостойную даль вѣковъ и воскрешали въ немъ одну изъ величественныхъ картинъ священной-библейской исторіи, какъ бы снова и снова возобновлявшуюся тамъ, гдѣ живутъ и часто сходятся вмѣстѣ люди самыхъ разнообразныхъ племенъ и нарѣчій. Но все же, больше и чаще всего останавливало здѣсь на себѣ его вниманіе то, можно сказать, бѣдственное положеніе, въ какомъ находилось здѣсь мѣстное православное населеніе и его маленькая, тѣсная и убогая церковь.

Вотъ то болѣе важное и существенное, что считалъ особенно нужнымъ сказать о Лембергѣ въ своемъ путевомъ дневникѣ этотъ внимательный и чуткій ко всему наблюдатель. „Въ Лембергѣ любопытство заставило меня посмотрѣть изъ окна гостиницы на мимоходящихъ и прислушаться къ ихъ говору. Слова польскія, малороссійскія и нѣмецкія отражались и исчезали въ знойномъ воздухѣ. Столица Галицкаго княжества казалась мнѣ маленькимъ Вавилономъ. Память моя воскресила Владиміра Великаго. Его стремленіе къ соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ въ одно государство возвышало въ моемъ мнѣніи его славное богатырство. Хотѣлось видѣть это стремленіе въ другихъ исполинахъ русскихъ. Хотѣлось назвать Лембергъ по старому Львовъ. Но духъ, благоговѣющій предъ тайнами Провидѣнія Божія, не смѣлъ молить его о соединеніи русиновъ съ нами. Ибо судьбы народовъ устроятся не по молитвамъ грѣшниковъ и не по ихъ желанію, а по волѣ Всевышняго, который расселилъ ихъ по лицу земли. Однако, сильно было сожалѣніе мое объ отторженіи Галиціи отъ великаго тѣла русскаго“.

„Въ Лембергѣ издавна существуетъ православная церковь для русиновъ и сербовъ военнаго званія. Я пожелалъ видѣть ее, осмотрѣть также Осолинскую библіотеку и посѣтить униатскаго архіепископа и его семинарію. Входя въ церковь, я услышалъ родной языкъ, родное богослуженіе и чувствовалъ въ себѣ тихій восторгъ. Отраднo было на чуж-

бинѣ помолиться Богу, какъ въ отечествѣ... Церковь эта весьма мала и бѣдна, но и въ ней раздаются и приѣмлются богатые дары Духа Святаго... Жалкая бѣдность сего святилища изумила меня. Въ довершенію моего удивленія я узналъ, что оно съ платою помѣщено тутъ временно и что правительство ни мало не заботится о духовныхъ потребностяхъ своихъ воевъ православныхъ. Я вспомнилъ слова Господа: лиси язвыны имуть, сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы поклонити. Душа моя возмущилась. Мнѣ жаль было, что православіе едва терпимо въ Австріи“.

„Львовская семинарія помѣщена въ зданіяхъ упраздненнаго Доминиканскаго монастыря и имѣетъ свою церковь. Отъ множества учениковъ (250—300) въ ней тѣсно и душно. Въ спальни ихъ ректоръ не вводилъ меня, не знаю почему, хотя мы прошли мимо ихъ по коридору. Вѣроятно, онѣ такъ же, какъ и занятныя и классныя комнаты, не опрятны. Вездѣ пахнетъ нашею бурсою. Столы и скамьи изрѣзаны, стѣны запачканы, полы испорчены... Книгохранилище не метено было или отъ начала учрежденія семинаріи, или, по крайней мѣрѣ, цѣлый годъ, ибо, при входѣ въ него, я замѣтилъ цѣлую кучу пыли и сору, которую только что сгребъ сторожъ и не успѣлъ вынести. Ректоръ стыдился показать мнѣ эту врачебницу душъ и на вопросъ мой о числѣ книгъ и рѣдкости изданій махнулъ рукою и отвѣчалъ: „не спрашивайте, когда видите, что комната пуста“. Я замолчалъ, но согрѣшилъ—подумалъ: не такъ ли пусты и здѣшнія головы, какъ эта бібліотека. Во время обозрѣнія семинаріи въ комнатахъ и коридорахъ толпились ученики и, выпуча глаза, смотрѣли на мое монашеское одѣяніе, на орденъ Св. Анны и на мои кресты. Всѣ они взрослые и одѣты опрятно. Длинные кафтаны чернаго цвѣта, съ металлическими пуговицами отъ верху до низу, перехвачены были черными широкими поясами съ длинными висящими концами (у поляковъ пояса красные). Науки преподаются имъ тѣ же, что и у насъ, съ прибавленіемъ оглашенія прихожанъ (катихетики). Но языки древніе и новые, кромѣ латинскаго, не изучаются. По-гречески никто читать не умѣетъ. Понятно, почему правительство не знакомитъ униатовъ съ письменными памятниками греческой церкви. Оно боится силы православія“.*).

А. Красевъ.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки